

«ЭНЦИКЛОПЕДИИ» ТАМГ НА ГОРЕ БОЛЬШОЙ УЛАЗ (Минусинская котловина)

А. Н. Мухарева

"ENCYCLOPEDIA" OF TAMGAS ON BOLSHOY ULAZ MOUNTAIN (Minusinsk basin)

A. N. Mukhareva

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

В статье анализируются изображения тамг, выполненные на горе Большой Улаз, входящей в состав самого крупного комплекса наскального искусства на севере Минусинской котловины. Среди тамгообразных знаков, нанесенных на скальные плоскости Большого Улаза, особое внимание уделено так называемым скоплениям тамг, предоставляющим дополнительные возможности для анализа материала.

The paper analyzes the tamga images on the mountain of Bolshoy Ulaz, which is part of a larger complex of rock art in the north Minusinsk Basin. Among tamgas on the mountain Bolshoy Ulaz special attention is paid to the so-called clusters of tamgas, providing additional opportunities for the analysis of the material.

Ключевые слова: тамги, петроглифы, Минусинская котловина.

Keywords: tamgas, petroglyphs, Minusinsk Basin.

На правом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) в Новосёловском районе Красноярского края расположен крупнейший в северной части Минусинской котловины комплекс наскального искусства Улазы (рис. 1). Образующая его цепочка гор протянулась с запада на восток по правому берегу длинного залива, напротив с. Новосёлово, в 4 км ниже паромной переправы. Среди гор выделяется своими размерами самая западная, известная в литературе под

названием Большой Улаз (у местного населения именуется Улазской сопкой). Следующие за Большим Улазом горы значительно меньше как по высоте, так и по количеству известных на них изображений. На скальных плоскостях памятника представлены петроглифы различных эпох, при этом в численном отношении преобладают изображения, созданные в I тыс. н. э.

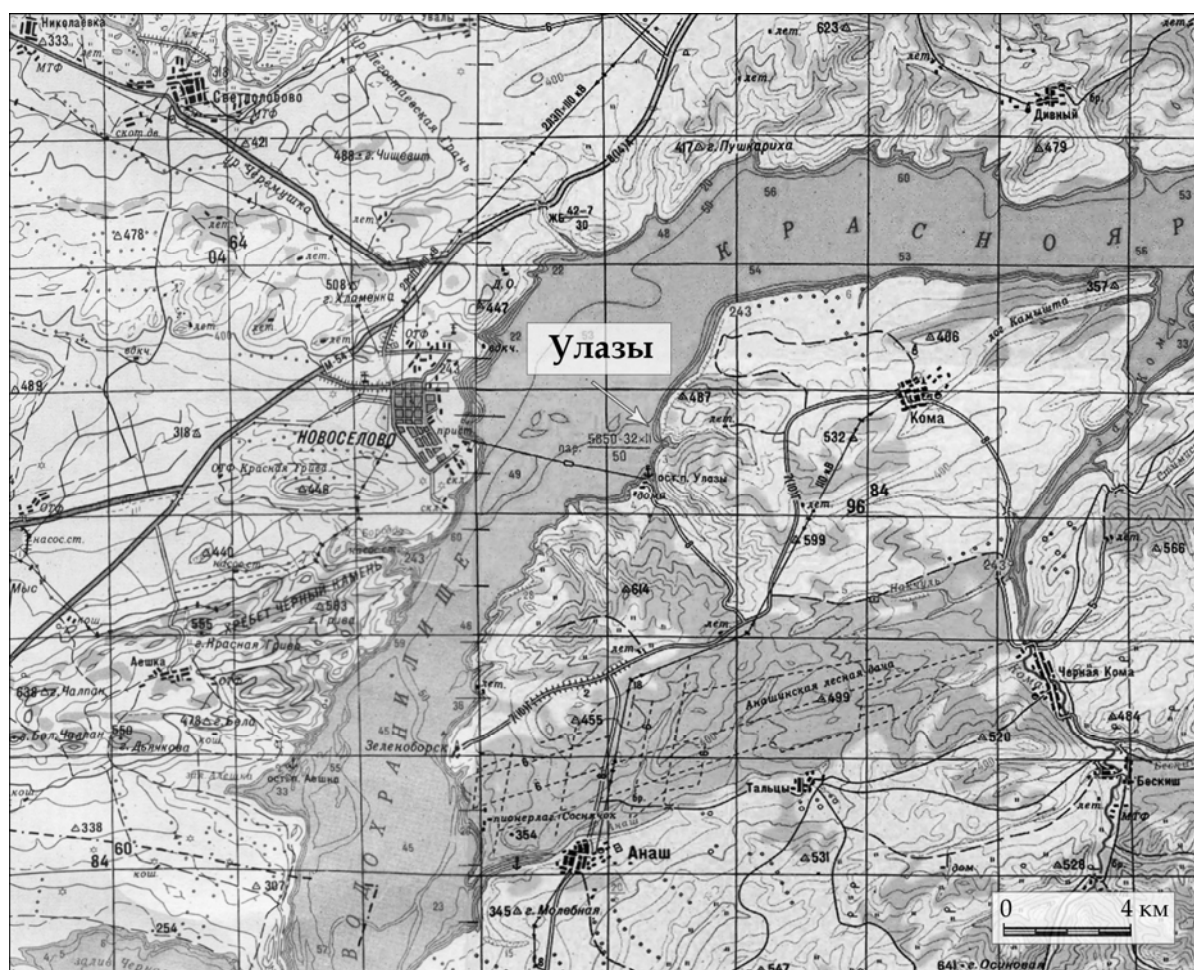

Рис. 1. Расположение комплекса Улазы на карте

Кроме многочисленных фигур людей и животных, объединенных в сцены охоты и перекочевок, на скальных поверхностях комплекса Улазы встречаются тамгообразные знаки, представленные на плоскостях как в сочетании с другими изображениями, так и самостоятельно. В целом подобные личные или удостоверительные знаки известны на многих памятниках наскального искусства, а также на стелах и курганных камнях Минусинской котловины. Наряду с фигуративными изображениями исследователи обращали на них внимание начиная с XVIII в. Один из первых случаев фиксации тамг, нанесенных на скалу красной краской, демонстрирует зарисовка Карла Шультмана – художника экспедиции Д. Г. Мессершмидта, выполненная 18 февраля 1722 г. на Городовой стене [27, с. 181, Abb. 8], расположенной в 2 км севернее горы Большой Улаз.

Несмотря на исследовательский интерес, вплоть до середины XX столетия тамги на скалах Минусинской котловины не становились предметом специального исследования, а их фиксация и описание осуществлялись попутно с фигуративными изображениями или руническими надписями [21; 22; 25; 1, с. 50; 4; 18 и др.].

Во второй половине XX столетия, наряду с публикациями, рассматривающими тамги на различных предметах [5, с. 258, 259; 10, с. 141 – 144; 11, с. 26 – 28, табл. V; 2, с. 115, 116, рис. 92, табл. 44, 73 и др.], появляются специальные работы, посвященные анализу удостоверительных знаков на памятниках наскального искусства региона [8; 9; 12]. В немногочисленных публикациях характеризуются материалы отдельно взятых местонахождений, расположенных преимущественно в центральной части и на юге Минусинской котловины, на основании которых сделаны попытки датировать часть тамгообразных знаков второй половиной IX и X вв. [8; 9], а также выделить в петроглифах Минусинской котловины тамги XVII – нач. XX в., принадлежавшие хакасам [12].

Значительно больше внимания исследователи уделяли изображениям знаков, выполненных на курганных плитах региона [14, с. 72 – 79; 20, рис. 66 – 75; 24 и др.], анализируя их серии, рассматривая хронологию и культурную принадлежность, зачастую приводя обширные аналогии.

Таким образом, тамги на памятниках наскального искусства, расположенных в северной части Минусинской котловины, за исключением зарисовки, выполненной в начале XVIII столетия в экспедиции Д. Г. Мессершмидта, до настоящего момента остаются непредставленными в специальной литературе. При этом петроглифы горного массива в районе несуществующей ныне дер. Улазы наиболее полно были обследованы Н. В. Леонтьевым в 1962, затем в 1982 гг. исследователем были сделаны копии рисунков и тамг, даны краткие описания скопированных плоскостей, но долгое время материал не был введен в научный оборот [13]. Нами работы на данном комплексе осуществляются с 2004 г. по настоящее время. В ходе обследования плоскостей с петроглифами на горе Большой Улаз была обнаружена серия тамг разного вида, среди которых имеются как уже известные, так и новые образцы.

На скальных плоскостях горы Большой Улаз можно встретить как одиночные изображения знаков,

так и до нескольких экземпляров тамг на одной плоскости (от двух до четырёх). Значительная часть тамгообразных знаков расположена на плоскостях с фигуративными изображениями и вписана в уже заранее выполненные сцены. Преимущественно это сюжетные композиции, передающие охоту, также тамги зафиксированы среди сцен перекочевок и борьбы лошадей. Некоторые из них уже были опубликованы ранее [13, рис. X, XIV, XVII, XVIII]. В ходе фиксации наскальных изображений комплекса было установлено, что во всех случаях знаки не перекрывают ни другие тамги, ни рисунки, а вписаны в свободные, иногда неудобные участки плоскости. На этот факт ранее уже обращали внимание исследователи, отмечая, что порча чужого знака могла привести к беде [24, с. 212].

В общей сложности на горе Большой Улаз представлено более десяти различных типов удостоверительных знаков, семь из которых включены в небольшие скопления, зафиксированные на двух плоскостях памятника.

Скопления тамг разных типов (не менее трех экземпляров), называемые исследователями «энциклопедиями», заслуживают особого внимания. Они наиболее привлекательны и обладают особой ценностью, поскольку предоставляют дополнительные возможности для анализа материала, позволяют синхронизировать или установить относительный возраст и последовательность создания тамг, а также объединить в группы соответствующие знаки-петроглифы [23, с. 8; 16, с. 82, 84, 85; 17, с. 537 и др.]. По мнению исследователей, их наносили на различные объекты часто за очень короткий срок (во время коллективной акции) или же постепенно [24, с. 212].

В одном случае на небольшом скальном выходе Большого Улаза в технике выбивки выполнено четыре знака (рис. 2). Все они расположены в линию и являются знаками одного типа. При этом два из них полностью идентичны (рис. 4: 1, 2), а два других отличаются дополнительными элементами (рис. 4: 3, 4), являясь, вероятно, сыновними вариантами первых тамг. Последняя тамга среди этой группы представляет собой самый сложный из всех вариантов (рис. 4: 4), так как по сравнению с другими знаками содержит наибольшее количество дополнительных элементов. Дополнительные элементы или даже геометрические фигуры могут указывать на «родство» кланов, оставивших тамги [23, с. 19 – 20]. Анализ техники исполнения знаков и цвет патины позволяют утверждать одновременность нанесения всех четырех фигур на скальную поверхность.

Следует отметить, что наиболее сложный знак (рис. 4: 4, 5) неоднократно встречается во многих композициях Большого Улаза и доминирует в количественном отношении над другими тамгами комплекса. При этом не зафиксировано таких случаев, чтобы он был представлен обособленно. На скальных поверхностях он присутствует либо в сочетаниях с другими тамгами (рис. 2, 3), либо среди других изображений.

На плоскостях с петроглифами этот знак всегда выбит в стороне от рисунков и как бы вписан в ранее созданную композицию. Подобные наблюдения позволяют датировать его не ранее времени создания изображений, соотносимых с эпохой раннего средне-

вековья [13]. Среди известных в литературе тамг, зафиксированных на скалах Минусинской котловины, точных аналогий этому знаку обнаружить не удалось ни среди хакасских тамг, ни среди более древних,

тогда как его более простые варианты исследователями фиксировались неоднократно и соотносились с различными историческими периодами.

Рис. 2. Композиция из тамг родственных типов

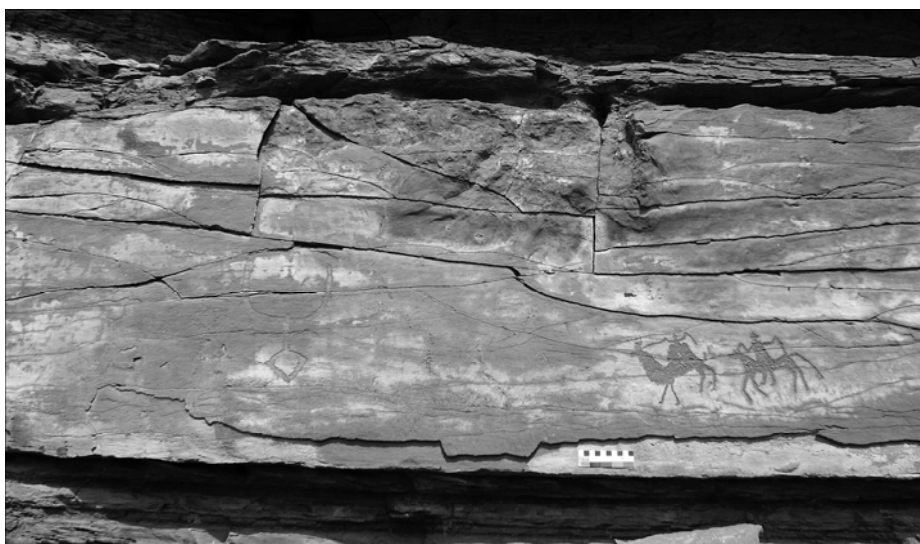

Рис. 3. Композиция из тамг различных типов

В другой «энциклопедии» на плоскости большого размера также в одну линию выбиты четыре тамги различных типов (рис. 3), включая наиболее часто встречающуюся. На этой же скальной поверхности, правее и ниже тамг, в технике пикетажа выполнена сцена переколёвки, персонажами которой являются два всадника: один – верхом на верблюде, другой – на коне (рис. 3). Центральное место во всей композиции занимает тамга, напоминающая дугу на кресте, нижнюю оконечность которого венчает ромбическая фигура (рис. 4: 6). Эта тамга представлена на памятнике лишь единожды и является самым крупным из знаков.

Такие же тамги присутствуют на Сулекской писанице [25, Abb. 72], на горе Тепсей в пункте Усть-Туба III [26, р. 43: fig. 11.2, р. 50: fig. 29.2, р. 51: fig. 35.8, 35.26 и др.], а также других местонахождениях региона. Анализируя упрощенный вариант данной тамги, Л. Р. Кызласов считал, что дуга на кресте без ромбической сердцевинки является тамгой древне-тюркской знати [8, с. 117] и имеет обширное распространение по всему левобережью и правобережью Енисея. Среди хакасских тамг аналогичного знака найти не удалось, между тем подобная тамга действительно широко представлена на памятниках Центральноазиатского

региона, вслед за Л. Р. Кызласовым связывается казахскими исследователями с тюркскими народами и датируется VIII – IX вв. [19, с. 155].

В аналогичной технике глубокой выбивки выполнена тамга типа, преобладающего в количественном отношении на скальных плоскостях памятника (рис. 4: 5). Однако она значительно меньшего размера по сравнению с тамгой, напоминающей дугу на кресте, нижнюю оконечность которого венчает ромбическая фигура (рис. 4: 6). Сложно сказать наверняка, выполнены ли эти две тамги одновременно, или между их нанесением на плоскость прошло какое-то время. В любом случае, учитывая композиционные особенности в их расположении, представляется наиболее вероятным, что более крупный центральный знак был оставлен на плоскости раньше других, к сожалению, сложно сказать насколько.

Две оставшиеся тамги еще меньшего размера и выполнены в технике поверхностной выбивки. Одна из тамг, напоминающая два равнобедренных треугольника, соединенных вершинами (рис. 4: 7), расположена между двумя знаками, описанными выше. Техника ее исполнения – менее глубокая и не очень частая выбивка – отличается от соседних знаков, тогда как цвет выбивки им идентичен. Тамги данного типа весьма широко распространены на территории Центральной Азии. Одни исследователи серию подобных тамг соотносят с эпохой средневековья [15, табл. 2-9], другие, анализируя такие знаки на памятниках наскального искусства Монголии, Казахстана и Алтая, датируют их VIII – IX вв. [19, с. 164].

Четвертая тамга представлена в виде круга, разделенного пополам, справа от которого отходят в разные стороны два небольших отростка (рис. 4: 8). В целом изображение выполнено поверхностными нечастыми выбоинами, по цвету не отличающимися от скальной поверхности. Сложно сказать что-либо определенное по датировке этой тамги, так как подобные знаки часто встречаются как на памятниках наскального искусства, так и курганных камнях Минусинской котловины. Такие знаки были известны в регионе уже в тагаро-таштыкское время. Наряду с другой знаковой символикой они зафиксированы на астрагалах, найденных на поселенческих комплексах севера Минусинской котловины [7]. На многих из них прослеживаются гравированные линии [7, рис. 3-7]. К наиболее часто встречаемым сюжетам авторы относят в том числе окружности, иногда с рассечением внутреннего пространства [7, с. 269], приводя им в качестве аналогий знаки, ранее выявленные на скалах Минусинской котловины. Как отмечают исследователи, графема в виде поделенной пополам окружности неоднократно встречается в петроглифах различных частей среднеисейского региона [7, рис. 9]. Среди выполненных на плитах и скалах знаков в виде круга (и его производных) выделены собственно хакасские тамги [12, рис. 12], аналогичные тем, что представлены в сводке хакасских тамг XIX в. Н. Ф. Катанова [3, с. 110]. Отдельные знаки, также производные от круга, отнесены казахскими исследователями к VIII – IX вв., к сожалению, без каких-либо аргументов относительно такой датировки [19, с. 149].

Рис. 4. Прорисовки тамг, входящих в «энциклопедию» Большого Улаза

Таким образом, исходя из комплексного анализа «энциклопедий» тамг на скалах Большого Улаза, основанного на технике исполнения знаков, степени их патинизации и композиционном размещении на плоскости, можно утверждать, что по крайней мере три типа знаков использовались одновременно и, вероятно, принадлежали родственным кланам. К сожалению, в настоящее время сложно определить хронологическую и культурную атрибуцию всех рассмотренных тамг. Тем не менее предварительно есть основа-

ния соотносить время создания большей части знаков с эпохой средневековья. Дальнейшее выявление и документирование тамг на скалах комплекса Улазы и Минусинской котловины в целом с привлечением материалов из раскопок, отмеченных родоплеменными знаками, возможно, позволит делать более обоснованные выводы относительно их датировки и этнокультурной принадлежности и на основании более солидного корпуса источников перейти к обобщению этого материала.

Литература

1. Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1910. Вып. 10.

2. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. 440 с.
3. Катанов Н. Ф. Среди тюркских племен // Известия Русского географического общества. СПб., 1893. Т. 29. Вып. 6.
4. Киселёв С. В. Значение техники и приёмов изображения некоторых енисейских писаниц // Техника обработки камня и металла. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Вып. V. М., 1930.
5. Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.-Л., 1949. № 9. 364 с.
6. Кляшторный С. Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 319 – 325.
7. Краснослущкий С. А., Заика А. Л. Знаковая символика на астрагалах севера Минусинской котловины (тагаро-таштыкское время) // Енисейская провинция. Альманах. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2009. Вып. 4. С. 263 – 276.
8. Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3.
9. Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3. С. 38 – 49.
10. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. 198 с.
11. Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.
12. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
13. Леонтьев Н. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященных 60-летию со дня рождения В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 120 – 132.
14. Николаева Т. В. Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры: (Методика и хронология): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 241 с.
15. Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура: сб. материалов Международного научно-практического семинара. Алматы: «Service Press», 2012. С. 91 – 104.
16. Рогожинский А. Е. Средневековые тамги-петроглифы Казахстана (опыт типологии и идентификации) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014.
17. Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014.
18. Рыгдылон Э. Р. Писаницы близ озера Шира // СА. 1959. Т. XXIX – XXX. С. 186 – 202.
19. Самашев З. С., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: АБДИ Компани, 2010. 168 с.
20. Семенов В. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В. Изображения на плитах тагарских курганов. СПб.: ИИМК РАН, 2003. 121 с.
21. Спасский Г. И. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими // Записки Имп. Русского Географического общества. Кн. XII. СПб., 1857.
22. Щукин Н. С. Народные памятники в Восточной Сибири // Известия Имп. Русского Географического общества. СПб., 1882. Вып. 4.
23. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Вост. литература, 2001. 190 с.
24. Яценко С. А., Марсадалов Л. С. Знаки-тамги на камнях ограды Большого Салбыкского кургана // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. В. Киселева. Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005.
25. Appelgren-Kivalo J. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931. 126 s.
26. Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N. [et al.]. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris, 1995. 153 p.
27. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720 – 1727. Berlin, Akademie-Verlag, 1962. Bd. 1. 380 s.

Информация об авторе:

Мухарева Анна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии КемГУ, mukhareva@mail.ru.

Anna N. Mukhareva — Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.